

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЭКСПОРТА ЮГОСЛАВСКОЙ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ (1954–1956)

© 2020 г. Борислав Джурджевич

Магистр истории, докторант Белградского университета

borislavdj@gmail.com

В статье рассматривается формирование представлений руководства СКЮ после преодоления конфликта с СССР о возможности экспорта системы самоуправления в другие социалистические страны и их идеологические основания.

The article considers the attitude of the League of Communists of Yugoslavia's leadership to the possibility of export of the system of self-management to other Socialist countries and their ideological justifications after the resolving of the conflict with the USSR

Ключевые слова: идеология КПЮ/СКЮ, система самоуправления, югославо-советские отношения, Йосип Броз Тито, Югославия.

Keywords: ideology of the Communist Party of Yugoslavia / League of Communists of Yugoslavia, self-management system, Yugoslav-Soviet relations, Josip Broz Tito, Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0008109-2

Система самоуправления развивалась в Югославии с начала 1950-х годов. В этот период Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) предпринимала попытки идеологически обосновать свою позицию в конфликте со странами социалистического лагеря. В руководстве КПЮ в этот момент появилась идея так называемого югославского пути строительства коммунизма, который представлялся как возвращение к исходным ценностям марксизма-ленинизма, извращенных Сталиным. Таким образом, самоуправление изначально задумывалось как альтернатива советской системе и имело для КПЮ, прежде всего, идеологическое значение. Она сменила название¹ и смягчила курс, но не отказалась от своей роли в обществе. Историк Бранко Петранович писал еще в социалистические времена, что институциональный порядок самоуправления был установлен за сравнительно короткое время с 1950 по 1954 г., но долгое

¹ В 1952 г. Коммунистическая партия Югославии сменила название на «Союз коммунистов Югославии» (СКЮ), чтобы таким образом указать на ее трансформацию в более широкое объединение в соответствии с идеей К. Маркса о постепенном отказе от классической политической организации [1. С. 529].

время он существовал формально, не предполагая возможности принимать решения по значимым экономическим вопросам самими работниками [1. S. 535].

В период формирования доктрины строительства социализма на принципах самоуправления, югославская партия находилась в изоляции от политических процессов в большинстве социалистических стран, поэтому разрабатывала ее в условиях недостатка информации, что позволило связать проблему укрепления своего положения на Востоке с возникшими противоречиями между СССР и Китаем и ослаблением политического и идеологического единства Восточного блока.

После конфликта с Советским Союзом (1948 г.) югославские коммунисты были изгнаны из мира, к которому они идейно принадлежали и с которым они хотели сохранить отношения. Поэтому, несмотря на все перемены, произошедшие в связи с началом сотрудничества со странами Запада, КПЮ искала союзников на Востоке. В этом смысле она возлагала большие надежды на Китайскую народную республику (КНР), считая, что Китай не может быть обычным советским сателлитом². Так же считали многие и на Востоке, и на Западе, однако то, что в других странах рассматривалось в качестве возможности, в Югославии стало фундаментом, на котором политика по отношению к государствам социалистического лагеря базировалась. Самоуверенность Белграда еще ярче ощущается, если учитывать, что югославы практически не владели информацией о ситуации в Китае. В феврале 1950 г. в призыве к признанию северовьетнамского правительства Хо Ши Мина в Белgrade увидели «сигнал из Пекина», т.е. начало «титовского поворота КНР», о котором Владимир Попович³ сообщил американскому послу. Более того, Моша Пияде⁴ укорил посла за то, что США не поступили в Китае так же, как в Югославии, когда они вместо поддержки Михайловича признали Тито [3. S. 143–144].

Аргументы, указывавшие на наличие предпосылок советско-китайского конфликта, были сформулированы в феврале 1951 г., а возможно и раньше, и в последующие годы часто появлялись в различных документах. Аналитики КПЮ писали, что еще в 1935 г. Мао вынужден был отклонить директивы Москвы, что китайцы осуществили свою революцию без советской помощи, что СССР сотрудничал с Чан Кайши, грабя Маньчжурию, и что за счет Китая Советский Союз хочет сохранить и укрепить позиции, которые он достиг на Ялтинской конференции в 1945 г. Однако в документе, датированном февралем 1951 г., указано, что о характере и масштабах советско-китайских противоречий «трудно говорить из-за отсутствия у нас достоверной информации». То же относится и к предположению о расколе в китайских верхах. В документе есть отсылка на информацию о том, что в ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) появились расхождения и что некоторые ее члены выступили против подчинения СССР, однако об этом нет никакой достоверной информации [2. СКЖ. IX60/I-10]. Тот факт, что представления руководителей Федеративной

² Самый ранний обнаруженный югославский документ, в котором содержится информация о том, что Мао Цзэду отказывается следовать в русле политики СССР, относится к июню 1949 г. Это телеграмма из Москвы с информацией о том, что СССР потребовал у Китая передать права на добычу полезных ископаемых в Синцзяне, где может находиться месторождение урана. Мао отверг это требование, объяснив, что «обещал китайскому народу добиться отмены всех ограничений его суверенных прав, наложенных иностранными державами» [2. СКЖ. IX. 119/I-47].

³ Владимир Попович (1914–1972) – югославский военный и политический деятель. Дипломат. Посол в США (1950–1954).

⁴ Моша Пияде (1890–1957) – югославский политический деятель, революционер, член Политбюро ЦК КПЮ.

народной республики Югославии (ФНРЮ) о взаимоотношениях внутри советского блока не имели прочной фактической основы, не было тайной для западных дипломатов. Американский посол еще в 1950 г. писал, что югославы основывают свои прогнозы отчасти на вере в то, что проблемы в отношениях СССР и Китая нарастают, а отчасти — просто потому, что им бы этого хотелось [4. S. 122].

Отношение к Китаю поменялось в середине 1950-х годов, когда между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, и в Белград начала поступать информация непосредственно от югославских дипломатов в Пекине. Но к тому времени СКЮ изменил и свою оценку ситуации в социалистическом лагере. Эти новые представления формировались, помимо других важных обстоятельств, под влиянием развития советско-югославских отношений и перемен, наступивших после смерти И.В. Сталина.

В начале 1953 г. дипломатическое представительство ФНРЮ в Москве еще не могло предоставить Белграду достоверные данные о событиях, происходивших в СССР⁵. Когда стало известно, что Берия арестован, в Белграде могли только догадываться об обстоятельствах этого события. Основное предположение Государственного секретариата иностранных дел (ГСИД) сводилось к тому, что верхушка КПСС разделена на две противостоящие группы: «либеральную» и «консервативную». Аналитическая записка, датированная июлем 1953 г. показывает, что ГСИД не мог определить, был ли Берия ликвидирован как носитель более либерального курса или нет, и задавались вопросом о возможности дальнейшего обострения кризиса в СССР⁶. В материале, написанном, вероятно, несколько позднее, неизвестный автор утверждал, что направления политического развития СССР определяются не на основе фактической информации, а с помощью «анализа и дедукции». Он пришел к выводу, что власть в Москве захватили реформаторы (в том числе и Берия), которые начали проводить политику либерализации, что привело к беспорядкам в Восточной Германии, в результате чего «сталинисты» осуществили переворот, направленный против «реформаторов и соглашателей» и арестовали Берия [5. ПА. 1953. Ф-84. 418221]. В мае 1953 г. западные дипломаты отмечали, что взгляды югославских руководителей на изменения, происходившие в СССР, противоречивы [3. S. 477]. В августе того же года английское посольство в Белграде сообщило в Лондон, что югославы имеют очень мало конкретной информации о последних событиях и процессах в СССР и Восточной Европе и что их оценки являются скорее результатом абстрактного марксистского анализа, а не вытекают из конкретных данных [6. S. 518].

В октябре 1953 г. представительство ФНРЮ в Москве вновь получило статус посольства, а на должность посла был назначен Добриное Видич⁷, и в Белград стала поступать более качественная информация о ситуации в СССР. Материалы ГСИД не основывались больше «на анализе и дедукции», но все равно югославское руководство не было достаточно информировано о событиях в СССР. В марте 1954 г., в то время, когда в КПСС разворачивался конфликт,

⁵ Об этом свидетельствует тот факт, что в связи с «делом врачей» в Белграде было высказано предположение, что произошел конфликт по линии армия — НКВД [5. ПА. 1953. Ф-84. 45308].

⁶ «Процесс разложения сталинизма будет продолжаться и дальше, независимо от того, кто гибнет, а кто побеждает, поэтому падение Берии означает не прекращение противостояния, но дальнейшее его обострение, независимо от того, какую линию представлял Берия». [5. ПА. 1953. Ф-84. 417917].

⁷ Добриное Видич (1918—1992) — политический деятель, дипломат, посол в СССР (1953—1956 и 1965—1969).

в том числе в связи с вопросом об отношениях с Югославией, ГСИД продолжал отталкиваться от предположения, что беспорядки в Восточной Германии и возможность их повторения в других странах советского лагеря — самое важное событие в СССР после смерти Сталина [5. ПА. 1954. Ф-85. 17314]. Аналитики ГСИД не замечали раскола в советской верхушке и исходили из того, что «коллективное руководство» едино во главе с Маленковым. В целом, предположения о конфликте между «сталинистами» и «реформаторами» в Кремле, о которых сообщалось в Белграде после ареста Берии, носили спекулятивный характер. Югославская сторона не могла соотнести две эти группы конкретно ни с кем из советских руководителей.

В мае Видич считал Хрущева не лидером какой-либо политической линии, но человеком, который обязан своим положением происхождению⁸. Более того, югославский посол отрицал возможность раскола в советском руководстве⁹.

В том же мае месяце Хрущев навязал Политбюро свою концепцию нормализации отношений с Югославией, а в июне направил письмо Тито. В отношении нормализации советско-югославских отношений руководство ФНРЮ занимало сдержанную позицию. С одной стороны, в Белграде считали, что соответствующее советское предложение в основе своей не было дружественным, а «мирное наступление» СССР представляло собой не более чем изменение тактики, вызванное трудностями во внешней и внутренней политике. Считалось, что Советский Союз стремится отделить Югославию от Запада и ликвидировать или ослабить Балканский пакт [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427]. Однако, с другой стороны, Белград в этот период стремился избежать увеличения односторонней зависимости от Запада, влияние которого позволяло оказывать все большее давление на югославское руководство. Особенно актуальным этот вопрос стал после того как США начали реализовывать стратегию, предполагавшую постепенное включение Югославии в НАТО [4. S. 172]. Кроме того, отдаление от социалистического лагеря влияло и на внутреннюю политику ФНРЮ. В конечном итоге, установление сотрудничества с СССР рассматривалось как противовес давлению Запада, которое сказывалось как на внешней, так и на внутренней политике Югославии.

По сути, в СКЮ не стремились добиться взаимопонимания с руководством СССР, но пытались использовать его для реализации своей программы. С одной стороны, Белград стремился уменьшить давление Запада на ФНРЮ таким образом, чтобы не поставить под угрозу их взаимоотношения, особенно в сфере экономического сотрудничества. С другой стороны, югославы пытались использовать установление сотрудничества с СССР для распространения своего влияния в социалистических странах. В материале ГСИД, датированном апрелем 1954 г. указывалось: «В наших интересах было бы развивать широкое сотрудничество (торговое, экономическое, культурное и спортивное) с другими странами Информбюро и таким образом влиять на развитие противостояния между ними и СССР» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427]. Похожая позиция выражена и в документе, посвященном развитию торговых отношений

⁸ Укрепление позиции Хрущева, которого Видич считал украинцем, а также включение Кириченко в Президиум ЦК КПСС и передачу Крыма Украине, югославский посол объяснял стремлением «развеять сомнения, связанные с чувством подчиненности» республики. Он полагал, что Хрущев является значительно менее видной политической фигурой по сравнению с Молотовым, Маленковым, Ворошиловым и другими [5. ПА. 1954. Ф-86. 46051].

⁹ «На основании доступной сейчас информации сложно говорить о противостоянии. Это относится к сфере домыслов» [5. ПА. 1954. Ф-86. 46051].

с СССР: «У нас нет какого-то особого интереса в торговле с СССР. Наши экономические и торговые интересы распространяются, прежде всего, на соседние информбюровские страны, а затем на Чехословакию и Польшу». Согласно документу, эта торговля принесла бы Югославии «политические выгоды» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17535].

Уже в этот период руководство СКЮ стремилось подчеркнуть свою международную роль и авторитет в мире¹⁰, однако эта репутация еще не была связана с концептуальными решениями СКЮ и особым положением Югославии среди социалистических стран. Все изменилось, когда советская сторона сделала следующий шаг, т.е. когда Хрущев отправил письмо Тито.

К письму Хрущева от 22 июня 1954 г. и последовавшей переписке руководство СКЮ относилось как к своему триумфу, считая, что Югославии без отступления от своих принципов удалось добиться нормализации отношений с СССР, благодаря чему ее политика получила признание среди социалистических стран. С этого момента Югославия стала считаться одним из идеологических центров мирового социализма. Возросшие амбиции проявились 26 ноября 1954 г. на V пленуме ЦК СКЮ, где утверждалось, что СКЮ является лидером мирового коммунистического движения, что он должен способствовать тем процессам, которые сейчас начались в СССР, что задача югославских коммунистов состоит в том, чтобы помочь КПСС выйти на единственно истинный путь социалистического строительства и что нормализация отношений с Советским Союзом выходит далеко за рамки противостояния с Коминформом и существенно влияет на общее направление мирового развития [7. S. 162/3]. Тито и раньше видел свою политическую роль в рамках, выходящих за пределы границ Югославии, что и стало одной из причин конфликта с СССР, но с этого момента, с середины 1950-х годов, югославское руководство начало формулировать свои политические цели в глобальном общемировом контексте.

Символическим началом формирования нового внешнеполитического курса ФНРЮ стала поездка Тито в Индию и Бирму в 1954–1955 гг.,¹¹ в которую югославский лидер отправился всего через четыре дня после окончания V пленума ЦК СКЮ. Визит имел значение и с точки зрения развития отношений с ведущими социалистическими державами — СССР и Китаем. На важность Индии в контексте развития отношений Югославии с СССР впервые указал в ноябре 1953 г. Добривое Видич, всего через месяц по прибытии в Москву. Содержание сообщений югославского посла, также как и значительной части источников за рассматриваемый период, объяснялось идеологическими причинами, причем возникавшие из этого противоречия в расчет не принимались¹². Однако, интересен его анализ внешней политики СССР и Китая.

¹⁰ В январе 1954 г. аналитики ГСИС отмечали, что Советский Союз начал нормализацию отношений с Югославией потому, что эта инициатива делала советское «мирное наступление» более убедительным в глазах мировой общественности [5. ПА. 1954. Ф-85. 4709]. В апреле того же года они уже указывали, что СССР стремится наладить отношения с Югославией из-за давления мировой общественности, а также из-за того, что Москва хочет заставить СКЮ прекратить критику своей политики [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427].

¹¹ Югославия еще с начала 1950-х годов предпринимала попытку укрепить связи с Индией, однако ей удалось усилить свое присутствие в этом регионе только после возобновления сотрудничества с СССР. До этого момента в Индии считали, что Югославия принадлежит к западному блоку, отношение к которому в Дели было сдержанным в связи с созданием СЕАТО и Багдадским пактом [8. S. 93].

¹² Договор о помощи Китаю (согласно которому СССР брал на себя обязательство принять на обучение китайских студентов и построить 91 новое промышленное предприятие в дополнение к 50 ранее согласованным) Видич оценивал не как свидетельство укрепления советско-китайского

Видич считал, что Китаю удалось укрепить позиции в отношениях с СССР, и между двумя странами произошел раздел сфер влияния. Китай приобрел статус азиатской региональной державы, Дальний Восток и Южная Азия отошли в сферу его интересов, в Корею сохранилось влияние СССР, однако и там Китаю удалось добиться, чтобы его позиция учитывалась. Советский Союз, согласно интерпретации Видича, сохранил положение мировой сверхдержавы, но на Дальнем Востоке действовал совместно с Китаем, а в других регионах выступал самостоятельно. При этом Видич считал, что СССР не отказался от статуса великой азиатской державы и связывал свои интересы с Южной Азией, особенно с Индией. Из этого он делал вывод, что Индия — это место, где пересекаются интересы СССР и Китая [5. ПА. 1953. Ф-84. 416098 и 416096].

Дальнейший интерес к этому вопросу связан с визитом в Индию Чжоу Эньлая¹³ в июле 1954 г. По этому поводу посольство ФНРЮ в Дели подготовило аналитический документ, где отмечалось, что Китай выступает как независимое от СССР государство, стремящееся укрепить свое положение в Юго-Восточной Азии. Опираясь на заявления китайского министра, который накануне поездки в Индию упоминал о «совместных мерах» и «взаимных обязательствах по обеспечению мира в Азии», югославский посол Гойко Николиш¹⁴ сделал вывод, что Чжоу Эньлай, вероятно, имеет в виду создание пакта. Он оценивал это как важную новость, не столько из-за самого пакта, в создание которого Николиш не верил, сколько в связи с изменениями в политике Пекина. По мнению посла, они указывали на то, что хорошие отношения с Западом не могут быть помехой развитию сотрудничества с Китаем. В этом он видел возможность для Югославии, считая, что Пекин не откажется от своего намерения втянуть Индию в союз, а сейчас Чжоу Эньлай «тактически вовремя и мудро отступил» [5. ПА. 1954. Ф-75. 410314].

В то же время ГСИД с недоверием отнесся к укреплению советско-индийского сотрудничества, полагая, что оно направлено против Китая¹⁵.

Проблема взаимоотношений Индии с СССР и Китаем легла в основу переговоров Тито с премьер-министром этой страны Дж. Неру¹⁶. О намерениях югославского лидера в отношении Индии сербский историк Драган Богетич писал: «Недавно освободившиеся от колониальной зависимости страны на первых

сотрудничества, а как предпосылку обострения отношений. По его мнению, СССР «завтра столкнется с экономически более сильным Китаем, с которым справиться будет сложнее, чем с нынешним». В предоставлении большей помощи он увидел не изменение политики Кремля, а «результат объективных обстоятельств». По его мнению, Китай «своими силами, или даже используя некоторые другие возможности» все равно начал бы строительство собственной промышленности, поэтому Советский Союз предоставил помощь для того, чтобы иметь возможность контролировать этот процесс [5. ПА. 1953. Ф-84. 416098].

¹³ Чжоу Эньлай (1898–1976) — политический деятель Китая, министр иностранных дел КНР (1949–1958), премьер Госсовета КНР (1945–1976).

¹⁴ Гойко Николиш (1911–1995) — политический деятель, дипломат, историк. В то время посол Югославии в Индии.

¹⁵ «Русские проводят активную политику в Азии. Интересно, что они все больше подчеркивают свою роль как великой азиатской державы. Складывается впечатление, что русские опасаются того, что Китай однажды оспорит такой их статус. По этой причине они проводят курс на сближение с Индией, Бирмой и рядом других стран региона. Индия также видит себя в роли регионального центра силы, поэтому ей в отношениях с Китаем очень важна поддержка СССР. Русские поддерживают превращение Индии в региональную азиатскую державу, они хотят максимально приблизить ее к себе и создать с ее помощью такой баланс сил в Азии, чтобы дать китайцам понять, что они не единственный в Азии центр силы» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17747].

¹⁶ Джавахарлал Неру (1889–1964) — премьер-министр и министр иностранных дел Индии (1947–1964).

этапах самостоятельного развития не видели в СССР и Китае такую же опасность для своих безопасности и суверенитета, какую они видели в колониальных державах и в их главном союзнике США. Поэтому Тито поставил перед собой сложную задачу убедить лидеров азиатских государств в том, что подобное положение в международных отношениях не может быть долгосрочным: мир во всем мире и национальный суверенитет возможно обеспечить только в случае соблюдения баланса в отношениях с обеими конфликтующими военно-политическими блоками и применения принципов сосуществования» [9. С. 45].

Здесь следует уточнить, что югославское руководство не считало, будто Китай представляет такую же угрозу независимости Индии, как СССР. В Белграде полагали, что среди государств социалистического лагеря отсутствует согласованный подход к отношениям со странами Юго-Восточной Азии, каждая из них проводит свою политику и следует своим интересам¹⁷. Создается впечатление, что Тито в ходе визита в Индию задался целью убедить азиатских лидеров в том, что сближение с Москвой угрожает независимости и безопасности их стран¹⁸. Судя по всему, такая позиция была отражением политики «влияния на развитие противостояния между ними и СССР», которую Белград начал проводить параллельно с развитием внеблокового сотрудничества.

Таким образом, поездка Тито в Индию ознаменовала перелом в югославской политике в отношении стран социалистического лагеря. В это время руководство СКЮ предприняло первые попытки сближения со своими предполагаемыми союзниками в восточном блоке. С этого момента в документах и прессе стали появляться первые свидетельства о попытках экспорта системы самоуправления, что было непосредственно связано с возвращением Тито из азиатского турне в феврале 1955 г.

В январе 1955 г., пока югославский президент еще находился в Азии, в СССР со своих должностей был снят председатель Совета министров Г.М. Маленков. Критическая кампания в его адрес началась 24 января, когда редактор «Правды» Дмитрий Шепилов в статье «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма» осудил политику ускоренного развития легкой промышленности как капитулянтство перед Западом. Днем позже на январском пленуме ЦК КПСС деятельность Маленкова также была подвергнута критике, а развязка наступила спустя две недели, на февральском заседании Верховного Совета СССР. Маленков подал в отставку, а на его место по предложению Н.С. Хрущева был назначен Н.А. Булганин.

Поначалу югославская сторона интерпретировала изменения в СССР как серьезный сдвиг в политике Кремля. 9 февраля, сразу же после окончания заседания Верховного Совета, Видич указал в донесении, что СССР отказался от политики ослабления напряженности и всерьез готовится к войне. Он полагал, что после решения Запада начать вооружение Западной Германии Москва ожидает нападения, направленного на восстановление капитализма [2. СКЖ IX. 119/II-39]. На следующий день в здании ГСИД перед дипломатическими представителями западных стран была озвучена югославская позиция, согласно которой предполагалось, что победа Хрущева над Маленковым приведет к радикализации внешней политики СССР [3. С. 673]. Однако следующие несколько дней в руководстве ФНРЮ преобладало мнение, что советская

¹⁷ В этом смысле особенно любопытна беседа Тито с Дж. Неру о китайской политике, состоявшаяся 20 декабря 1954 г. [8. С. 98].

¹⁸ См., например, речь Тито в индийском парламенте от 21 декабря 1954 г. [8. С. 99–100].

внешняя политика не претерпела существенных изменений — это югославский историк Дарко Бекич связывал с возвращением в страну Тито 11 февраля [3. С. 674]. Это также подтверждает и объемный аналитический материал, отправленный 17 февраля Видичем. В нем не просто по-другому объяснялись перемены в советском руководстве, но и делались смелые далеко идущие выводы об изменениях в СССР¹⁹, хотя всего несколькими днями ранее посол давал совершенно другую оценку основных политических тенденций.

В аналитической записке от 17 февраля Видич снова утверждал, что ЦК КПСС был вынужден идти на уступки. Он указал, что Кремль не может должным образом реагировать на требования перемен в стране, что является основной причиной нестабильности в СССР. По мнению Видича, все действия правительства Маленкова были направлены на привлечение симпатий масс, но так как были недостаточными и неполными, к цели не привели: «На протяжении всего рассматриваемого периода мы понимали (как это следует из наших писем и устных бесед) рамки этих явлений, технократический характер “антибюрократических кампаний”. Но в то же время мы осознавали их важность, считая их проявлением основополагающих законов диалектического процесса. Мы видели и видим в них вызовы неизбежного развития. Особо отметим, что ЦК, как коллективный субъективный фактор, находится вне объективного процесса. Непонимание и сопротивление ЦК тормозит и связывает этот процесс» [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 7].

Таким образом, согласно новой оценке, дело было уже не только в изменении политической линии и конфликте между сторонниками развития легкой или тяжелой промышленности (что расценивалось как ограниченное явление, имеющее «технократический характер»). На повестке дня стоял вопрос об отношении властей к более широкой демократизации общества («неизбежном развитии», близость которого стала очевидна в условиях перемен, происходивших в СССР) и к изменению системы, созданной Сталиным (что является «объективным процессом», который «непонимание и сопротивление ЦК тормозит и связывает»). Видич связал перемены в руководстве ЦК с «процессом поиска новых путей выхода из кризиса, охватившего СССР, который произошел в результате конфликта со сталинистской системой». Однако эти новые пути на деле не были новыми, так как речь шла о доктринарных предпосылках системы самоуправления. Видич писал об управлении страной «массами», о «праве на критику снизу» и в конечном итоге о «введении рабочих советов в СССР», что он, по его собственным словам, обсуждал с Молотовым [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 17–18]. Видич видел решение проблемы демократизации советского общества в использовании югославского опыта.

Одновременно в СКЮ рассчитывали распространить югославский опыт и на Востоке. 12 января 1955 г. по предложению Чжоу Эньлая между КНР и ФНРЮ были установлены дипломатические отношения. В мае 1955 г. югославские профсоюзные деятели получили приглашение посетить Китай.

¹⁹ Видич по-прежнему считал, что в Советском Союзе чувствуют угрозу в связи с агрессивной политикой Запада, однако теперь предполагал, что Москва пытается повлиять на мировое общественное мнение и правительства западных государств, для того чтобы добиться прекращения поставок вооружений в Германию. Согласно его оценкам, СССР стремился к переговорам, но «демонстрировал силу» для укрепления своей переговорной позиции. Внутриполитические перемены в СССР (курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности) Видич теперь трактовал не как «наиболее очевидное свидетельство подготовки к войне», но как подкрепление «позиции силы» во внешней политике [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 24–25].

15 апреля в Комиссии по международным отношениям ЦК СКЮ, которую возглавлял Велько Влахович²⁰, состоялась встреча с тремя членами профсоюзной делегации: Драго Стаменковичем, Альфредом Егером и Влайко Беговичем. Членам делегации сообщили, что с осени было отмечено увеличение контактов между Китаем и СССР (имелся в виду визит Хрущева в октябре 1954 г. и заключенные соглашения), однако «отношения довольно сложны и не могут быть оценены однозначно». Комиссия особо отметила проблему советско-китайских взаимоотношений. Однако об истинных целях югославской делегации больше говорит другое. Среди прочего члены делегации получили инструкцию обратить внимание на то, «какие (в Китае.— Прим. перевод.) существуют традиции самоуправления и проводятся ли дискуссии между рабочими об их участии в управлении производством» [2. СКJ IX. С/а-38].

Представляется, что основную задачу ЦК СКЮ видело в определении возможности применения опыта югославского самоуправления в Китае и наличия там предпосылок для отказа от советской системы и обращения к югославской модели.

Попытки экспорта идеи самоуправления были естественным продолжением ранее утвердившихся у партийной верхушки представлений о ведущей роли СКЮ в коммунистическом движении. Югославское руководство намеревалось экспортировать в самую густонаселенную страну мира свою систему, которую оно рассматривало как воплощение идей Маркса, хотя в то время в ФНРЮ не удалось даже прокормить свое население без иностранной помощи. Перед делегатами, несмотря на все недостатки страны, которую они представляли, ставилась задача получить от Китая подтверждение «великой миссии СКЮ» в социалистическом мире. При этом партийное руководство в глубокой самоиндоктринации закрывало глаза на то, что даже в самой Югославии никакие «дискуссии среди рабочих» не повлияли на введение самоуправления, потому что оно было введено сверху.

Югославское руководство находилось в состоянии эйфории. Визит Тито в Индию и Бирму, активность делегации югославских профсоюзов в Китае означали начало участия ФНРЮ в мировой политике. В подобных условиях перемены в Кремле не могли рассматриваться СКЮ иначе, кроме как в контексте «демократизации» советского общества, также как и результаты Бандунгской конференции не могли интерпретироваться иначе, чем начало ожидавшегося конфликта между Китаем и СССР²¹.

Ранее югославы отмечали раскол в руководстве КПСС: Молотов считался носителем консервативного курса, а Хрущев его противником. Однако эти выводы не оказали существенного влияния на интерпретацию советской политики. В Белграде не доверяли первому секретарю ЦК КПСС и его намерениям, связанным с нормализацией отношений. В СКЮ ожидали визита Хрущева с прежними подозрениями в существовании враждебных намерений СССР и вынужденных перемен, происходивших в этой стране (Советский Союз хочет возвратить ФНРЮ в социалистический лагерь и, если этого не удастся, ослабить ее связи с Западом; Югославии переговоры открывают возможность сотрудничать с социалистическим лагерем, сохраняя связи с Западом [10. S. 12; 11. S. 368–369]).

²⁰ Велько Влахович (1914–1975) — югославский общественно-политический деятель, член ЦК СКЮ (1948–1974), член Президиума Социалистического Союза трудового народа Югославии.

²¹ Об оценках советско-китайских отношений ГСИД в мае 1955 г., после Бандунгской конференции, см. [5. ПА. 1955. Ф-50. 18107].

Хрущев, со своей стороны, действительно намеревался вернуть Югославию в советский блок или, по крайней мере, направить ее по пути нейтралитета, но при этом для него вопрос преодоления конфликта с Белградом имел и серьезное внутривластное значение. Поэтому он был готов сделать значительные уступки. Эти обстоятельства позволили руководству СКЮ недвусмысленно выразить свои амбиции в совместной декларации от 2 июня 1955 г. Воспоминания Карделя²² и Влаховича, участвовавших с югославской стороны в составлении этого документа, ясно указывают на устремления партийной верхушки. Кардель утверждал, что Политбюро СКЮ разрабатывало Декларацию «так, чтобы она стала Magna carta во взаимоотношениях не только социалистических, но и других стран» [12. S. 146]. И прямо заявлял: «В дискуссиях с советской делегацией мы проявили твердость и негибкость, потому что хотели подписать декларацию о взаимоотношениях не просто между нами и Советским Союзом, но в целом между социалистическими и другими странами» [12. S. 147]. Влахович также указывал на широкое значение, придававшееся документу: «Советские руководители настаивали, чтобы в декларацию вошел пассаж о вековой дружбе наших двух славянских стран. Сейчас, когда китайцы осуществили свою революцию, нам это казалось еще более абсурдным и нелогичным, чем раньше» [10. S. 54].

С другой стороны, визит Хрущева в Белград означал открытие стран социалистического лагеря для Югославии. В этот момент произошло знакомство и первые переговоры лидеров СКЮ с новым советским руководством. Кроме того, только с этого времени в ФНРЮ начали поступать донесения из Пекина, и югославы получили серьезные представления о политической линии Китая²³. Только в этот момент югославские власти столкнулись с настоящей политикой Москвы и Пекина, и их видение социалистического лагеря не могло не измениться.

Первые встречи с китайскими чиновниками показали, что в этой стране позиция СКЮ не встретит понимания и поддержки. Югославские профсоюзные деятели, вместо идеологической близости и понимания, натолкнулись на недоверие китайской стороны. Вместо того чтобы обсуждать «югославский опыт», им было предложено определить свои позиции по основным идеологическим проблемам, начиная с того, какая сверхдержава выступает в качестве агрессора: СССР или США [2. СКJ. IX. Ц/а – 34]. Такая позиция КПК вскоре была подтверждена отчетами посла Поповича. 30 июня в беседе с Мао Цзэдуном югославский дипломат несколько раз пытался убедить своего собеседника как-то высказаться о разногласиях между Китаем и СССР и агрессивной политике Москвы. Однако Мао говорил о единстве социалистического лагеря и совместном противостоянии империализму. Он призвал ФНРЮ проявить как можно больше терпения и понимания в оценке политики СССР [5. ПА. 1955. Ф-50. 48810]. 8 июля на встрече с Лю Шаоци²⁴ Попович попытался начать разговор о самоуправлении, рабочих советах, югославском опыте и строительстве социализма в Китае. Однако тот отказался осудить антиюгославскую брошюру,

²² Кардель (1910–1979) – общественно-политический деятель. В то время – член Политбюро СКЮ, заместитель председателя правительства Югославии.

²³ Двусторонние дипломатические отношения были установлены 12 января 1955 г., однако китайский посол прибыл в Белград лишь 24 мая 1955 г., за два дня до визита Хрущева. Югославский посол в Пекине Владимир Попович передал китайскому руководству свои аккредитивы 30 июня того же года.

²⁴ Лю Шаоци (1898–1969) – китайский политический и партийный деятель. Председатель КПК (1959–1968). В то время – председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1954–1959).

составленную им в 1948 г., и заявил, что, по его мнению, Югославия также несет ответственность за конфликт с СССР, и продемонстрировал резкую позицию в отношении политики ФНРЮ [5. ПА. 1955. Ф-50. 49827]. 22 июля ГСИД поручил Поповичу проверить, является ли официальной позиция Китая, согласно которой Югославия несет часть вины за конфликт с СССР. 13 августа посол подтвердил это, добавив, что, по мнению китайцев, в Югославии в связи с этим произошел буржуазно-националистический поворот [5. ПА. 1955. Ф-50. 411463].

Позиция югославского руководства в отношении советской политики изменилась. 1 августа посольство ФНРЮ в Москве в донесении указало на то, что «в советских концепциях произошла эволюция», что перемены в СССР не просто носят тактический характер, а существует «настоящее желание добиться мира». Носителями новой политики посольство называло Хрущева и Булганина, продолжателей курса Маленкова, против которых выступали консерваторы во главе с Молотовым [5. ПА. 1955. Ф-62. 410481]. В конце сентября Тито заявил помощнику государственного секретаря США Роберту Мерфи, что изменения в СССР существенные и долгосрочные, а не просто тактические. В ноябре в разговоре с Даллесом²⁵ Тито упомянул о «новой ориентации» в отношениях между СССР и его сателлитами, предупредил о «сталинистских пережитках», все еще присутствовавших в советском руководстве, но при этом предположил, что Запад может уменьшить их влияние, оказав поддержку более умеренному курсу СССР. Более того, югославский руководитель выразил мнение, что в руководстве стран-сателлитов есть несколько сталинистов, но он ожидает, что население там будет форсировать смену власти силовым путем [4. S. 233–236].

На изменение позиции Югославии повлияло осознание, что кроме советского руководства, в особенности Хрущева, никто другой в социалистическом лагере не демонстрировал понимания позиции СКЮ. Однако это не означало, что ФНРЮ отбрасывала возможность развития сотрудничества с другими странами. В ходе упомянутого разговора с Даллесом Тито указал собеседнику, что относиться к Китаю как к советскому сателлиту было бы ошибкой. По его мнению, политика Пекина могла бы быть более гибкой, чем думает Даллес [4. S. 235–256].

В тот момент руководители СКЮ рассчитывали на начало изменений в советском блоке, в ходе которых «сталинизм», по примеру Югославии, будет отвергнут. Похоже, что предположения югославского посольства об «эволюции советской политики» подразумевали под собой именно это, а наибольшей активности югославы ожидали от Хрущева и КПСС.

В октябре 1955 г. ГСИД объяснял югославским влиянием перемены во внешней политике СССР (по австрийскому вопросу; отношению к внеблоковым странам; вопросу о ликвидации совместных экономических обществ; «первым проявлениям перемен в отношениях со странами лагеря») [5. ПА. 1955. Ф-63. 18527]. Визит Хрущева и Булганина в Индию в декабре 1955 г. в ГСИД оценили как подтверждение нового курса советской политики, подразумевающего сотрудничество с внеблоковыми странами [5. ПА. 1955. Ф-63. 417018]. Посол ФНРЮ в Нью-Дели Црнобрня писал об этом: «Визит в Азию поможет политической эволюции советского руководства, облегчит его адаптацию к мировым реалиям и ускорит отход от сталинизма. На наш взгляд, можно

²⁵ Джон Фостер Даллес (1888–1959) – американский политик, Государственный секретарь США (1953–1959).

сказать, что визит в определенной степени является следствием Белградской встречи и визита президента Тито в Азию (хотя об этом ничего не было сказано официально, в частных разговорах многие жители Индии, в том числе индийские дипломаты об этом упоминают)» [5. ПА. 1956. Ф-89. 4178. С. 1].

В конце декабря 1955 г. югославские аналитики зашли настолько далеко, что заявили о возможности «развития отношений» между странами Варшавского договора и Запада без участия СССР²⁶.

Сообщения, приходившие из Москвы, не способствовали неумеренному самовосхвалению югославов. 9 февраля 1956 г. Видич сообщил, что советское руководство считает ошибочными югославские концепции взаимоотношений социалистических стран и общественного развития, которые возникли во время и под влиянием конфликта, и будут исправлены в ходе дальнейшего развития двустороннего сотрудничества [5. ПА. 1956. Ф-87. 42173]. Однако подобная информация не изменила позицию Белграда.

В таких условиях Югославия наблюдала за XX съездом КПСС и теми переменами, которые последовали за ним.

XX съезд состоялся в Москве (14–25 февраля 1956 г.). После того как повестка дня была исчерпана и съезд официально закончил свою работу, Хрущев провел закрытое заседание, на котором осудил культ личности Сталина, чем спровоцировал бурю в социалистических странах. В первых югославских аналитических материалах, когда еще не было известно о закрытом заседании и секретном докладе, работа съезда была оценена положительно. Главная мысль состояла в том, что политический курс Хрущева получил поддержку, а «сталинистские концепции» были отвергнуты. В то же время югославская сторона сочла, что съезд проигнорировал ее роль в борьбе со «сталинизмом» и в международных отношениях в целом [5. ПА. 1956. Ф-88. 422856]. В последующих документах, которые, вероятно, появились уже после того как в Белграде ознакомились с содержанием секретного доклада, аналитики зашли еще дальше в оценке съезда и роли югославской стороны в произошедших изменениях. Недвусмысленно утверждалось, что возврата к прошлому больше не будет, что осуждение наследия сталинизма продолжится и что югославское революционное движение было «бабушкой нынешних позитивных изменений» [2. СКЖ. IX 119/II – 42. Преглед рада XX конгреса. С. 2].

Более развернутое свидетельство о том, как руководство СКЮ реагировало на события XX съезда КПСС оставил Велько Мичунович²⁷. В дневнике он записал, что 13 марта на ужине с «дюжиной товарищей, включая Карделя, Ранковича²⁸ и Кочу Поповича²⁹», они говорили о секретном докладе. Содержание разговора очень выразительно показывает отношение Белграда к этим событиям: «Сейчас некоторым кажется, что русские начинают идти тем путем, который давно уже проложили югославы. Есть среди нас люди, которые склонны

²⁶ «Анализируя развитие взаимоотношений восточноевропейских государств и стран Запада и отдельные инициативы с обеих сторон, реализуемые на нынешнем этапе, можно ожидать, что дальнейшее развитие будет направлено на поиск новых точек соприкосновения для сотрудничества [...], в первую очередь, на двусторонней основе, что неизбежно повлияет на более самостоятельное развитие этих стран, в том числе внутри нынешнего советского блока» [5. ПА. 1956. Ф-87, 4249. С. 7].

²⁷ Велько Мичунович (1916–1982) – югославский дипломат, посол в СССР (1956–1958 и 1969–1971).

²⁸ Александр Ранкович (1909–1983) – министр внутренних дел Югославии (1946–1966), заместитель председателя Союзного исполнительного вече (1956–1966).

²⁹ Константин (Коче) Попович (1908–1992) – союзный секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965).

думать, что все дело, не только в наших отношениях с русскими, но и во всем “мировом коммунистическом движении”, теперь состоит в том, как мы, югославы, будем продолжать задавать ориентиры! [...] Мы довольно долго говорили о том, почему доклад Хрущева был закрытым, а не гласным [...]. Можно ли говорить о развороте в политике КПСС и руководства СССР, когда советская общественность не знает, ни того, что произошло на съезде, ни о том, в чем заключается этот самый разворот? И что на деле может означать тайное осуждение Сталина на закрытом заседании съезда КПСС, когда публично тот же съезд подчеркивает верность курса партии?» [13. S. 25].

Таким образом, югославское руководство оценивало XX съезд КПСС и доклад Хрущева не с учетом политических обстоятельств, сложившихся в СССР, а в рамках картины мира, которую они сами же и нарисовали. В этой картине Югославия была лидером. Она преодолела «сталинизм» и начала строить новый путь к коммунизму. Отсюда следовало, что возврата к старому больше нет и что СССР переживает сейчас процесс демократизации, через который некогда прошла Югославия. Если дела обстояли таким образом, то вопросы, почему доклад закрытый и можно ли говорить о переломном моменте в политике СССР, не удивительны.

Эти оценки происходили с самого верха партийного и государственного руководства, и критическое к ним отношение было недопустимо для дипломатии ФНРЮ. Об этом свидетельствует переписка, которая велась в связи с визитом Тито в СССР. В СКЮ считали, что жителям социалистических стран будет интересна эта поездка, так как от Тито, якобы, ждали «новых побед в общем деле строительства социализма». По этой причине ГСИД направил инструкции в югославские представительства в Восточной Европе, предписывающие обратить внимание на то, как там будет освещаться визит. В связи с этим 13 июня заместитель государственного секретаря иностранных дел Срджа Прица отправил зашифрованную телеграмму своему непосредственному руководителю Коче Поповичу, находившемуся в тот момент в СССР как член югославской делегации. В подчеркнутом от руки первом абзаце послания указано: «Восточно-европейская печать не уделила визиту президента Тито того внимания, какого он заслуживает. Она проигнорировала даже те положительные стороны визита, которые подчеркивались советской прессой. Замалчиваются важные позиции из заявлений президента Тито. Визиту посвящается меньше внимания, чем на страницах западной печати, поездка рассматривается в основном как манифестация обновления и дальнейшего укрепления советско-югославской дружбы, а тем самым и развития отношений с другими восточноевропейскими странами. В редакционных комментариях и колонках, которых было написано недостаточно, в основном подчеркивалось значение югославо-советской дружбы и Белградской декларации, или же использовались сообщения ТАСС (в частности болгары и албанцы, которые ограничились освещением официального хода поездки). Кроме того, восточноевропейская пресса избегает упоминаний о событиях прошлого, следуя советскому тезису, согласно которому “Запад будет разочарован, если он думает, что сделает из прошедшего конфликта политический капитал”» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49027].

Отчет Прицы сложно назвать тенденциозным, но вызывает сомнение то, что отчеты посольств в восточноевропейских странах дают совершенно иную картину того, как освещался визит Тито. Так, в донесении из Будапешта от 8 июня указано: «Позицию печати можно оценить очень позитивно. Она ежедневно уделяет большое внимание визиту нашего президента. Все важнейшие

новости, например речи, заявления и т.д., печатаются полностью. Помимо этого, крупнейшие газеты, такие как “Сабад Неп”, “Непшава” и др., приводят весьма подробные сообщения их корреспондентов из Москвы, а также оригинальные статьи-комментарии, связанные с визитом. Кроме того, пресса публикует по этому поводу материалы из наших газет и журналов» [5. ПА. 1956. Ф-91. 48948]. Из Варшавы сообщали: «Польская пресса публикует на самых заметных местах обширные сообщения, иллюстрированные фотографиями [...]. Центральные газеты почти целиком перепечатали статью товарища Карделя» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49018]. Но дальше всех пошли авторы отчета из Бухареста: «Проезд спецпоезда и визит Тито в Москву были восприняты в народе как событие необычайного значения. Фигура Тито – предмет оживленных обсуждений. О нем говорят как об одном из выдающихся вождей пролетариата, дипломате выдающихся способностей, успешно решающего задачу по нормализации отношений между Востоком и Западом и тем самым активно влияющего на устранение угрозы военной опасности. Все его путешествия по разным странам произвели на них большое впечатление. Влияние его политической активности ощущается в несомненно улучшившейся ситуации в Румынии после визита в Белград русских. От этого визита ожидается еще более глубокое и качественное улучшение» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49000].

Хотя для оценки поездки Тито в СССР вопрос его восприятия в восточноевропейских странах не был существенным, в регулярной дипломатической переписке он не мог рассматриваться вне идеологических рамок. Суть в том, что представление о Тито как об «освободителе от сталинизма» и видение такой его роли в Восточной Европе были вне сомнений. Информация, не соответствовавшая такой картине, передавалась по другим каналам, в то время как регулярные отчеты не могли нарушить заданных рамок. Потому что, даже если бы кто-то, например, в Венгрии, и рассчитывал для себя на какую-то выгоду от поездки Тито в Москву, невозможно было ожидать, что о Югославии и ее политике положительно напишут в стране, где правит Матияш Ракоши.

Очевидно, что восприятие руководством СКЮ себя в качестве идеологического центра мирового социализма получило окончательный вид еще до визита Тито в СССР, и с тех пор оставалось неизменным в государственном аппарате ФНРЮ. Критическое отношение к этой догме допускалось только в узком кругу людей на вершине партийной иерархии, которые все более замыкались в своем кругу. В новых переговорах с Хрущевым и в кризисе, разразившимся впоследствии, СКЮ отталкивался от предрассудков, мешавших не только достижению понимания с СССР, но и критическому осмыслению собственной позиции.

Отстранение Молотова, что, по мнению Хрущева, могло отчасти компенсировать нанесенные оскорбления и обвинения в адрес Югославии, в СКЮ истолковали как попытку первого секретаря ЦК КПСС заручиться поддержкой Тито для расправы с бывшим советским министром иностранных дел [5. ПА. 1955. Ф-62. 18521]³⁰. Роскошный прием, оказанный югославской делегации в СССР, в СКЮ объясняли «политической активацией масс», которая «сблизила советских лидеров и народ» [5. ПА. 1956. Ф-91. 410656. С. 1]. Противостояние в польской партии СКЮ однозначно интерпретировал как борьбу за

³⁰ Приведенный документ в Дипломатическом архиве ошибочно датирован 1955 г. Из его содержания следует, что он был составлен незадолго до того как Молотов в начале июня 1956 г. подал в отставку.

введение в этой стране самоуправления [5. ПА. 1956. Ф-43. 416811]. Такой же была позиция югославской стороны по вопросу беспорядков в Венгрии, в которых она увидела кульминацию процесса «демократизации» по югославской модели и где развернула широкую деятельность, направленную против интересов СССР³¹. Ослепленное своим представлением о роли Югославии в социалистическом движении, руководство СКЮ не видело, или не хотело видеть истинной природы событий, происходивших в соседней стране. Образ сторонников «демократического социализма», борющихся против «сталинизма», сохранялся в Белграде до тех пор, пока в Венгрии не началось преследование коммунистов. Только после этого югославские власти были вынуждены пересмотреть свою политику и поддержать советскую интервенцию. И даже в этой ситуации в СКЮ не поставили под сомнение свои принципиальные позиции. Во время разговора о военном вмешательстве в Венгрии Тито убеждал Хрущева ввести в этой стране самоуправление³².

По сути, югославская сторона так и не смогла осознать свое реальное положение в социалистическом мире. Это было связано с внутренними ограничениями верхушки СКЮ, которая некритически выстроила свою новую идентичность. В первые годы после конфликта с СССР партийное руководство не связывало свое положение на Востоке идеологическими вопросами, но отношения между социалистическими странами оценивало односторонне – отталкиваясь от предположения о надвигающемся расколе между Китаем и СССР, который имел бы черты «титовского поворота». В последующие годы, с началом нормализации советско-югославских отношений, когда советское руководство продемонстрировало готовность признать свою вину за конфликт, создались условия, в которых амбиции руководства СКЮ могли удовлетвориться в полной мере. С этого времени в СКЮ рассматривали проблему системных изменений в социалистическом лагере, т.е. отказ от «сталинизма» и применение югославского опыта как ключевой вопрос его социального и политического развития. Под влиянием этого политические оценки ГСИД сводились к интерпретациям, направленным на приведение событий в странах социалистического лагеря в соответствие с партийными доктринами СКЮ.

Во всем этом сложнее всего определить, где и на каком уровне иллюзии или убеждения государственного руководства, перешли в сознательное введение в заблуждение. Два эти состояния легко различимы, но не сам переход. Вероятно, он произошел незаметно и для самих участников событий.

Перевод с сербского языка Б.С. Новосельцева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1981.
2. Архив Југославије.
3. *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb, 1988.
4. *Lorejn L.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003.
5. Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије.

³¹ О югославской деятельности в Венгрии см. [14. № 27, 37, 42, 45, 49 и 53].

³² «В стране [новое венгерское правительство] обратится к революционным комитетам, рабочим советам и рабочему классу. Необходимо признать рабочие советы, ввести самоуправление» [2. К.П.Р. 1-3-а. СССР. Забелешка о разговорима другова Тита, А. Ранковића, Е. Кардеља са Н.С. Хрушчовом и Г.М. Мальенковом, у току ноћи од 2–3 новембра 1956. год. на Брионима. С. 6].

6. *Miloradović G.* Ljudi na strateškim mestima: uzroci, posledice i smisao sukoba Josipa Broza Tita i Milovana Đilasa na Trećem (vanrednom) plenumu CK SKJ 1954. godine // Tito – viđenja i tumačenja. Zbornik radova. Beograd, 2011.
7. *Dimić L.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1954. godini. Hronologija događaja // Balkan posle Drugog svetskog rata. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1996.
8. *Rajak S.* In Search Of A Life Outside The Two Blocs: Yugoslavia's Road To Non-Alignment // Velike sile i male države u hladnom ratu 1945–1955. Slučaj Jugoslavije. Zbornik radova sa međunarodne konferencije. Beograd, 2005.
9. *Bogetuh Đ.* Нова стратегија југословенске спољне политике 1956–1961. Београд, 2006.
10. *Vlahović V.* Strogo pov. 1955–1958. Neobjavljeni rukopis Veljka Vlahovića. Beograd, 1998.
11. *Luburić R.* Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 2007.
12. *Kardelj E.* Sjećanja. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Ljubljana; Beograd, 1980.
13. *Mičunović V.* Moskovske godine 1956–1958. Zagreb, 1977.
14. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.